

А. В. Зыкин

Значение этнонима «шорцы» в становлении культурного кода и самоидентификации

В своем этногенезе шорцы формировались на основе единого субстрата самодийских и финно-угорских племен уральской общности в период с VI–IV тыс. до н. э. Позже, в VI–IX вв. шорцы входили в Енисейский, Уйгурский и Тюркский каганаты. Термин «шорцы» не сразу был принят как представителями формирующегося этноса, так и представителями научного сообщества. Только в начале XX в. научное сообщество констатировало, что тюркоязычное население юга Сибири (Кемеровской области) является конгломератом тюркских племен, которые были объединены общим термином «шорцы». В дальнейшем термин «шорцы» стал этнонимом для искусственно созданной этнической конструкции. Перенесение, а в дальнейшем закрепление данного этнонима на близкие по языку группы коренного населения, во многом определили характер, темпы и направление культурных и этнических процессов, идущих в их среде, а также обозначили центр культурно-этнической консолидации тюрков Южной Сибири.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, этноним, этнос, шорцы, уровень самосознания, тюркские племена

Aleksei V. Zykin

Meaning of ethnonym «shor» in cultural code formation and self-identification

Shor ethnogenesis was formed on the basis of a single substrate Samoyedic and Finno-Ugric tribes in the 6–4 centuries BC from the Ural community. In 6–9 centuries Shor was part of the Turkic, Uighur and the Yenisei Khanates. The term «shor-people» was adopted as an emerging ethnic group, and representatives of the scientific community. Only in the early twentieth century it was recognized that the Turkic-speaking population of the South Siberia (Kemerovo region) is a conglomerate of various Turkic tribes, under the General title «Shor», but is a single nation – ethnicity. The term «shor-people» was given to the nature of the ethnonym, constructed artificially. The transfer, and further fixing, artificially created ethnonym on similar language group of the Kuznetsk Tatars, largely determined the nature, pace and direction of ethnic processes taking place in their environment, and also marked the centre of ethnic consolidation of the Turks of Southern Siberia.

Keywords: culture, cultural values, ethnonym, ethnos, Shor, level of consciousness, Turkic tribes

DOI 10.30725/2619-0303-2018-3-31-35

История формирования и перспективы развития культур малых народностей РФ рассматриваются в рамках междисциплинарных исследований, среди которых, по нашему мнению, основной вклад вносят такие научные дисциплины, как философия, лингвистика и культурология. Собственно, благодаря культурологическому подходу и происходит актуализация потребности в изучении и глубоком понимании народных и культурантропологических ценностей этносов нашего государства, в котором сосуществует множество конфессий и национальностей. В XXI столетии среди российских народностей усилилась тенденция возврата к собственным культурным корням, позволяющим сохранить этническую идентичность. По мнению коллектива авторов работы «Проблемы сибирской ментальности», под идентичностью подразумеваются такие качества, как своеобразие и оригинальность в сочетании с пассионарностью (безотносительно трудов Л. Н. Гумилева),

а рассмотрение этого понятия, в первую очередь, идет с учетом силы, слабости, ослабления либо устойчивости идентичности, принимая во внимание территориальную морфологию [1]. Помимо этого, в России четко прослеживается существенное падение демографических показателей, а также нарастание проблем в обществе и экономике. Данные процессы привели к усилению этнического самосознания и возникновению отсутствовавших прежде национальных движений и идеологических концепций.

В представленной статье будут рассматриваться процесс возникновения этнонима «шорцы», а также его роль в образовании шорского народа и его культурных обычаев. Шорцы относятся к тюркоязычной группе народов и занимают южную часть Кемеровской области. Формирование шорцев в собственном этногенезе происходило на базе субстрата, который, по мнению исследователей, являлся общим для самодийских и финно-угорских народов в VI–IV

тысячелетиях до н. э., что сильно повлияло на самобытность культуры данной народности. В VI–IX столетиях шорцы являлись частью Енисейского, Уйгурского и Тюркского каганатов и подверглись тюркизации, отчасти перемешавшись с племенами алтайцев, уйгуров, монголов и киргизов. В XVII–XVIII столетиях к шорцам присоединились северные кочевые племена скотоводов – телеуты, подвергшиеся ассимиляции и ставшие с ними единым народом.

До наступления XIX в. шорцы большую часть времени выплавляли железо и ковали изделия из него. Литье металлов являлось довольно трудным технологическим процессом, для выполнения которого требовались специальные знания, навыки и опыт. Железными ремесленными изделиями оплачивалась подать тюркским каганам, также за них выменивали товары при контактах с русскими купцами. Но в конце XVIII в., по причине поэтапного ослабления и последующего исчезновения кузнечного ремесла из шорской жизни, главным занятием для этого народа стал охотничий промысел. У шорцев установился хозяйственно-культурный тип пеших таежных охотников и собирателей. Поначалу доминировала загонная ловля крупных парнокопытных животных, а потом главенствовать стала добыча пушнины. Вплоть до наступления XIX в. при охоте использовался лук, а позже – и ружья, которыми торговали русские купцы. Кроме того, устраивались ловушки и петли, использовались капканы и самострелы. Промыслом занимались в границах родовых земель группами из 4–7 человек. Все добытое группой разделялось на равные части между участниками охоты. Вспомогательным занятием служило собирание корней и клубней, для выкапывания которых использовалась специальная копалка – озупа. Также огромное значение для шорцев имел рыбный промысел, развитию которого поспособствовала многочисленность водоемов (речек, горных озер и т. п.) в регионе проживания этой народности. Важнейшую роль в XIX столетии играло собирание кедрового ореха с целью дальнейшей продажи. Бортничеством шорцы занимались еще в давние времена, а у русских они переняли пчеловодство. С появлением русских подсечно-огневая система земледелия у северной части шорского народа заменилась земледелием. Также у русских была перенята система содержания животных в стойлах. Шорские женщины тоже занимались ремесленной деятельностью: они ткали, выделывали кожу, изготавливали разнообразную утварь из древесины и бересты. За мужчинами были закреплены такие сферы, как деревообработка, заготовка шкур, обработка рогов и пр.

На своеобычие духовных традиций и специфику шорского мировоззрения сильно повлияло шаманство как политеистическая религия. Роль основных богов в шаманизме исполняли Ульген(ь) в верхнем мире и Эрлик в нижнем мире. Помимо этого, у шорцев доминирует почитание духов, представляющих собой полноправных хозяев водоемов и горной местности (су-ээзитаг-ээзи: шорское слово «ээ» переводится как хозяин, «су» – как вода, а «таг» означает гору). Шаманство у этого этноса, чаще всего, имело родовой характер. В период 1858–1918 гг. шорцам проповедовали посланники Алтайской духовной миссии, стараясь обратить их в христианскую веру. В настоящий момент многие религиозные шорцы исповедуют православие, однако в их вере остаются отголоски дохристианских времен. В словесной культуре шорского народа присутствует развитый фольклор: сказания, мифы, охотничьи были, песни, пословицы и поговорки. Отдельное место занимают сказания героического эпоса, исполнение которых осуществляется под аккомпанирование комыса.

Шаманство, в первую очередь, нацелено на поддержание баланса и равновесия между людьми и окружающим природным миром, при этом отличительной особенностью русской культуры, и православия в частности, считается нацеленность на активное изменение своего местообитания. Как замечает Е. А. Ерохина, подобная разнонаправленность наталкивает на вывод о том, что русской культуре свойственна экстраверсия, а коренным сибирским народностям, придерживающимся шаманизма, – напротив, интроверсия. Ценности русской и сибирских аборигенских культур отражаются в мировоззрении, устанавливаемом исповедуемой религией. Для коренных сибирских народностей, придерживающихся шаманизма, находящаяся вокруг природа является самоценностью, и управляют ею не люди, а духи. Такие представления о мире отразились и в мифологии [2, с. 113].

Как замечает В. М. Кимеев, на формирование культуры северной части кузнецких татар (так шорцев в быту называли русские) существенно повлияли не только контакты с русскими, но и массовая христианизация. Данные факторы сильно ускорили процессы в социокультурной сфере и экономике, а это, в свою очередь, сделало ассимиляцию более интенсивной. Проанализировав жизненный уклад, степень развитости общества, экономики и культуры шорцев как народности, можно выделить две ключевые субэтнические группы: абинцы – северная лесостепная, занимающаяся земледелием и разведением скота; шорцы – южная горно-таежная, занимающаяся охотничьим и

рыболовным промыслом, а также собирательством [3, с. 82, 88].

В то же время каждая из упомянутых групп делилась на 5 местных подгрупп, отличающихся своеобразным говором (субдиалектом), имеющим своеобразие, определенные культурные особенности и перечень сеоков (родов), сформировавших группы [4, с. 53]. С наступлением XIX в. такое положение обусловило последующее объединение этнических земель, на которых стали формироваться общий язык и культура. Процесс объединения отпрысков 10 местных подгрупп в шорский народ закончился во времена СССР.

Нужно заметить, что вплоть до наступления XX в. не существовало единого общепринятого самоназвания шорского народа, являющегося ключевым признаком сформировавшегося этноса. Русские в быту именовали шорцев кузнецкими татарами, а также кондомскими (река Кондома) и мрасскими (река Мрас-Су) татарами или абинцами. При этом сами шорцы именовали себя в основном по родовым фамилиям либо по речкам, на побережьях которых они проживали. Окончательное объединение разных субэтнических групп в общий этнос случилось уже в эпоху СССР, с появлением Горно-Шорского национального района, центром которого служил поселок Мыски, а позднее – поселок Кузедеево. Именно тогда кузнецкие татары начали называть себя «шорцами» в соответствии с названием, появившимся в середине XIX в. благодаря тюркологу В. В. Радлову. Словом «шорцы» академик Радлов называл автохтонов, проживавших в Кузнецком уезде Томской губернии.

В 1860-х гг. В. В. Радлов писал, что у этой народности нет единого наименования, а все самоназвания ведут свое происхождение от имен рек, на побережьях которых проживает этнос. К примеру, пызас-кижи (от шорского «пы», что переводится как «кедр» (т. е. люди с Пызаса)), мырас-кижи – (от шорского «мрас», что означает «желтый» (т. е. люди с Мраса)), том-кижи (от шорского «тоом», в переводе «большая» (люди с Томи)). Также самоназвания образовывались от наименований управ, к которым они были прикреплены (тайашконы, кобийконы и пр.), либо исходя из местообитания: прасконы – р. Мрас-Су, модымконы – р. Кондома, и пр. [5, с. 93]. Подобное разнообразие самоназваний свойственно этносам с незавершенной консолидацией, находящимся в стадии формирования. По нашему мнению, разнообразие самоназваний можно считать признаком усложненного самосознания, а оно, в свою очередь, говорит о формирующемся этносе и возникновении оригинальной традиционной культуры. Активное применение

широкого перечня самоназваний, а кроме того, отсутствие общего этнонима, свидетельствует о том, что консолидация этой народности к началу XX столетия так и не закончилась. Применение различных самоназваний при коммуникациях с различными группами людей свидетельствует о ситуативном характере самоидентификации, а также о довольно жестком делении на «своих» и «чужих». В зависимости от обстоятельств, «своими» и «чужими» считались различные группы. Под «своими» могли подразумеваться сеок либо соседи, либо представители близкородственных языковых групп. В общении с соседями шорцы именовали себя чаще всего по родам, реже – по территории проживания.

Как уже упоминалось ранее, в среде шорцев в начале XX столетия наблюдался быстро протекающий двойственный процесс: внутренний (соединение территорий) [6, с. 311] и внешний (в первую очередь сближение с русскими, а кроме того, с иными тюркскими народами) [7, с. 281]. Также следует учитывать ряд факторов, которые, согласно Л. И. Шерстовой, мешали консолидации и популяризации общего этнонима. В их число входят: рассеянность и раздробленность родов-сеоков и фиксирование их на общегосударственном уровне в качестве административных единиц; труднодоступность территории, мешавшая взаимодействию между родами; сохранившаяся в сознании отдельных автохтонных групп уверенность в том, что под административной единицей подразумевается этническая принадлежность населяющих ее людей [8, с. 506].

Объединению шорского народа и появлению у него своего культурного кода сильно поспособствовала популяризация этнонима «шорцы». Впервые данное название начал использовать В. В. Радлов, чтобы упростить и унифицировать классификацию автохтонов, живущих в этой области. Радлов использовал наименования двух главных родов – кубан и шор – для обозначения близкородственных групп, однако без четко установленной этнической принадлежности [8, с. 506]. Для этого Радлов соединил татар, проживавших на Томи, Мрасе и Кондоме, в единый народ «шорцы», несмотря на то, что те в тот момент сами так себя не звали и не чувствовали собственной общности и единства. Причиной такого объединения послужило сходство их языков, которые Радлов считал шорскими диалектами, а также тот факт, что многие соседние народы, включая телеутов и лебединцев на западе, звали их «шор-кижи» [5, с. 209]. Нужно заметить, что данный этноним был сконструирован искусственно исключительно для научных целей, и далеко не сразу стал

общепринятым в академической среде и среди самих шорцев.

Тем не менее позднее в академической литературе стала преимущественно использоваться классификация В. В. Радлова, что способствовало признанию тюркоязычных жителей южной части Кемеровского региона конгломератом племен, связанных единым названием «шорцы», а учитывая их этническую общность, такое название превратилось в этноним. Содержание этнонима составляют отдельные уровни самосознания его носителей, т. е. культурный код, описывающий этнос. Существует несколько уровней самосознания шорского народа:

– родовой, в соответствии с которым классификация ведется согласно сеоковой принадлежности. Данный уровень играет важнейшую роль в процессе самоидентификации и идентификации шорского народа;

– территориальный. Учитывая, что род всегда был неразрывно связан с местностью, на которой он жил, это обеспечило почти полное совпадение родового и территориального признаков;

– локальный, подразумевающий местонахождение подгрупп и субэтносов: мрасские – кондомские, верховские – низовские и пр.;

– общетюркский, выражающийся в лингвониме «тадар» и позволивший объединить различные субдиалекты;

– религиозный, выражающийся в двоеверии и сочетании шаманизма с православием;

– культурный.

Стоит заметить, что отдельные уровни самосознания шорского народа, включая общетюркский, религиозный и культурный, в немалой степени сформировались благодаря контактам с русскими как следствие межкультурного взаимодействия.

В сущности, этноним «шорцы», как уже упоминалось ранее, не является автоэтнонимом, ведь его появление не было естественным, что и послужило причиной противодействия его самоутверждению. Последующее распространение данного этнонима на близкородственные языковые группы кузнецких татар в значительной мере обусловило специфику, скорость и направленность культурных и этнических процессов, протекающих в этой среде, а кроме того, наметило центр этнической и культурной консолидации. Выделение шорского народа из массы южно-сибирских тюркских народностей отличалось в некоторой степени искусственностью и преждевременностью [8, с. 506], так как на тот момент еще не сформировались общие этнокультурные обычаи. Для их возникновения требо-

валось время, тем не менее зарождающаяся шорская интеллигенция и русские, включая сотрудников администраций, достаточно быстро начали пользоваться словом «шорцы» и подразумевали под ним всех автохтонов, живущих на юге Кемеровского региона.

Огромное влияние на процесс консолидации оказал социально-политический фактор, а именно необходимость в создании новой административной единицы – Горно-Шорского национального района, появившегося в 1926 г. Политические требования и по сей день играют определенную роль, особенно в столь деликатной сфере, как национальная политика. Ученый-культуролог С. Р. Садыхбекова считает, что возврат национальной символики в Азербайджане представляет собой часть проводимой государством политики, нацеленной на продвижение духовных и эстетических ценностей ушедшей эпохи, а также на восстановление культурного наследия и исторической памяти народа [9]. Аналогичные процессы происходят и в шорском этносе, чье выделение из прочих южно-сибирских автохтонных народностей в прошлом сильно повлияло на специфику, скорость и направление развития данной группы. Традиционные формы хозяйствования, формировавшиеся у малых народов на протяжении тысячелетий, к настоящему моменту превратились в фундамент их жизнедеятельности, пример рационального взаимодействия социума и окружающей среды.

Список литературы

1. Крылов М. П. Российская региональная идентичность: вопросы типологии // Проблемы сибирской ментальности: монография / под общ. ред. А. О. Бороноева. Санкт-Петербург: Астерион, 2004. С. 70–78.
2. Ерохина Е. А. Русское этническое сознание в системе межэтнических взаимодействий, Западная Сибирь в XVII–XIX вв. // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф., 26–30 июня 1995 г. Новосибирск, 1995. Т. 2: Археология, этнография. С. 110–113.
3. Кимеев В. М. Шорцы: кто они?: этногр. очерки. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1989. 189 с.
4. Кимеев В. М. Этнический состав шорцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: КГУ, 1986. С. 44–55.
5. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. Москва: Наука, 1989. 752 с.
6. Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири, XVII – начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 1999. 313 с.
7. Патрушева Г. М. Шорцы // Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С. 277–318.

8. Шерстова Л. И. Ментальность переходного этноса: Южная Сибирь в XIX – начале XX в. // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симп. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. 2. С. 506–514.

9. Садыкбекова С. Р. Национальная символика в создании современных логотипов // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 1 (34). С. 40–44.

References

1. Krylov M. P. Russian regional identity: typology. *Boronoev A. O. (ed.) Problems of Siberian mentality*: monograph. Saint Petersburg: Asterion, 2004. 70–78 (in Russ.).

2. Erokhina E. A. Russian ethnic consciousness in system of inter-ethnic interactions, Western Siberia in 17–19th centuries. *Aborigines of Siberia: problems of study of endangered languages and cultures*: abstr. of intern. sci. conf., June 26–30, 1995, Novosibirsk, 1995. 2: Archaeology, Ethnography, 110–113 (in Russ.).

3. Kimeev V. M. Who are Shor?: ethnogr. essays. Kemerovo: Kemerovo Publ. House, 1989. 189 (in Russ.).

4. Kimeev V. M. Ethnic composition of Shor. *Problems of ethnogenesis and ethnic history of aborigines of Siberia*: interuniv. coll. of sci. works. Kemerovo: Kemerovo State Univ., 1986. 44–55 (in Russ.).

5. Radlov V. V. From Siberia: pages of diary. Moscow: Nauka, 1989. 752 (in Russ.).

6. Sherstova L. I. Ethnopolitical history of Turks of Southern Siberia, 17th – beginning of 20th century: dis. on competition of sci. degree doctor in history: 07.00.02. Tomsk, 1999. 313 (in Russ.).

7. Patrusheva G. M. Shor. *Peoples of Western and Central Siberia: culture and ethnic processes*. Novosibirsk: Nauka, 2002. 277–318 (in Russ.).

8. Sherstova L. I. Mentality of transitional ethnic groups: Southern Siberia in 19th – beginning of 20th century. *Siberia in panorama of millennia*: proc. of intern. symp. Novosibirsk: Inst. of Archeology and Ethnography of Siberian branch of RAS, 1999. 2, 506–514 (in Russ.).

9. Sadykbeikova S. R. National symbols in creation of modern logos. *Vestn. of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*. 2018. 1 (34), 40–44 (in Russ.).